

А. КАШИН

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Издательство ЦОПЭ

А. КАШИН

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен

1961

О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РОЗНИ

Если еще несколько лет назад вопрос китайско-советских отношений интересовал только специалистов, то сейчас всякое изменение в этих отношениях обсуждается всей мировой общественностью. Парадокс нынешнего положения вещей состоит, однако, в том, что Запад знает о происходящем в этой области гораздо больше, чем знает об этом средний советский или китайский гражданин. Между Советским Союзом и коммунистическим Китаем воздвигнут идеологический железный занавес.

Начиная, по крайней мере, с конца 1957 года советская печать перестала перепечатывать высказывания китайских вождей и статьи китайских идеологов. Китайская печать ответила тем же. КПСС и китайская компартия схватились не на жизнь, а на смерть, пересматривая каждая по своему наследие Ленина, но до советских и китайских граждан доходят только отдаленные отголоски этой борьбы.

Особенно бросилось это в глаза в период празднования дня рождения Ленина в апреле 1960 года. В эти дни «Правда», «Известия» и другие советские печатные органы напечатали целую серию статей и высказываний вождей различных коммунистических партий мира, но ни одного китайца в числе этих вождей, однако, не было. И это вовсе не потому, что китайская печать или китайская компартия обошли ленинскую годовщину молчанием. Напротив, Пекин отметил это событие даже с еще большей помпой, чем это случилось в Советском Союзе. Но для уха советских граждан высказывания, сделанные в Пекине, очевидно, предназначены не были.

Как могло это произойти? Как могло случиться, что на первом месте на черной доске китайского коммунизма оказались не империалисты с их идеологией, а представители «первого пролетарского и социалистического государства в

мире»? И как могло случиться, что главный союзник Советского Союза, «младший брат» — коммунистический Китай оказался также и главным идеологическим врагом?

После захвата коммунистами власти в Китае, многие международные обозреватели высказывали опасение, что китайцы внесут в мировой коммунизм новую динамику, оживят бюрократившиеся компартии других стран и, в первую очередь, коммунистическую партию Советского Союза. Эти опасения были не напрасными. Советский коммунизм действительно бюрократился к этому моменту максимально и сумел удержаться у власти только в результате блестящих внешне-политических успехов, принесенных окончанием второй мировой войны.

Что эти успехи следует, в основном, приписать незнакомству западных держав с коммунистической идеологией и тактикой, в этом контексте никакой роли не играет. Всякая диктатура существует по принципу велосипеда: она необходимо должна двигаться, а стоит ей остановиться хотя бы на одну секунду, и она свалится.

Но к 1949 году стало совершенно ясно, что Запад, ознакомившись с коммунизмом всерьез, капитулировать не собирается. Дальнейшие внешне-политические успехи коммунизма могли бы быть достигнуты только в результате войны, но война непременно принесла бы разгром, так называемого, «социалистического лагеря». И вдруг победа — да еще какая победа! В стране с населением по официальным данным — в шестьсот миллионов человек, в стране, где компартия все еще сохранила свой боевой дух, где захват власти пришел не в результате советского вмешательства, а был проведен собственными силами! Опасность была действительно велика, и пессимизм был в значительной степени оправдан.

На деле произошло, однако, нечто другое. Китайский коммунизм не оживил мировой коммунизм, не оживил и КПСС. Напротив, по смерти Сталина советская компартия пережила новую волну бюрократизации, советское общество подверглось еще большей стратификации, и политика советского правительства (и стоящей за ним КПСС) стала приобретать все больше черт того, что немцы называют «махтполитик», то-есть политики силы. Идеология была отодвинута на задний план и стала играть даже еще меньшую роль, чем это было в последние годы жизни Сталина. Для нас, в дан-

ном контексте, важнее всего то, что развитие в Советском Союзе пошло по собственным путям, не считаясь с происходящим в Китае. Китайская революция или — вернее — контрреволюция не нашла в Советском Союзе никакого отклика и повисла в воздухе. Таким образом, перед китайской компартией стала задача, не предусмотренная никем, а именно — революционизировать советскую компартию, sprыснуть ее живой водой марксистской идеологии, влить в нее новый динамизм и новую жизнь.

Идеология играет в идеократическом — и не только в коммунистическом — обществе и государстве совершенно определенную роль: ей задано создавать мифы и фикции, объясняющие расхождение между политической и экономической догмой и реальностью. Но одновременно она отражает и психологическое состояние так называемого правящего класса. Изменяется это состояние, отмирают старые мифы и фикции, необходимо создавать новые.

Это и произошло в Советском Союзе. Хрущевский ревизионизм — а в том, что это ревизионизм, сомневаться не приходится, как покажет и дальнейшее исследование — родился не в безвоздушном пространстве. Он — результат изменившейся психологической атмосферы, результат того, что Хрущеву — и всякому другому, попавшему на его место — приходится считаться с фактом громадного социального сдвига, происшедшего в Советском Союзе после смерти Сталина.

Индустриальное строительство, в основных чертах, закончено. Выросло новое поколение, не знающее никаких условий жизни, кроме советских. Кроме того — и это даже важнее — советская бюрократия и технократия стали приобретать все черты устойчивости и наследственности. Этой бюрократии и технократии живется хорошо. Она заинтересована в первую очередь в дальнейшем упрочении своего положения и плуце всего опасается всяческих авантюр.

Дух героизма ей совершенно чужд, да его нечем было бы и питать. В расширении советской сферы влияния она заинтересована, но согласна на него только в случае, если это не связано с риском, угрожающим ее теперешнему положению. Мировая революция — вещь хорошая, но платить за нее никто не согласен. Если она придет сама, без особенного напряжения и без особого риска — очень хорошо. Не придет — ну

что же, можно ее подтолкнуть, но подтолкнуть так, чтобы не покатилося все.

Считаясь с этим, считаясь с тем, что эти люди привели его к власти и что они же могут его от власти отстранить, Хрущев в угоду им проводит ревизию марксистской догмы, превосходящую все, что было в этом отношении видно и пережито до сих пор. Чтобы реально понять размеры советско-китайских идеологических разногласий и их возможные последствия, необходимо сначала проанализировать основные положения хрущевского ревизионизма.

ХРУЩЕВСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

На первом месте в ряду советско-китайских идеологических разногласий стоят следующие вопросы: проблема предотвратимости или непредотвратимости войны в наше время, проблема возможности мирного сосуществования между государствами и блоками с различными политическими и экономическими системами, и проблема так называемого национально-освободительного движения в бывших колониальных странах.

Всех этих проблем при Сталине не существовало, а потому не существовало и советско-китайского спора. Возник он исключительно в результате хрущевского латания марксистско-ленинской догмы. Попробуем теперь разобрать все эти вопросы поочередно.

1. Предотвратимость и непредотвратимость войн. Ленин пророчествовал совершенно ясно: пока существует империализм, будут существовать и империалистические войны. Это свое предсказание он основывал на анализе сущности империализма. Империализм — это капитализм, развившийся до предела, и основной характерной чертой его является его агрессивность. Не агрессивного империализма не существует и существовать не может. Не агрессивный империализм это то же, что соленый сахар или сладкая соль.

Впервые против этого положения Ленина Хрущев выступил на двадцатом партийном съезде. Там он объяснил своим слушателям, что ситуация в мире со времен Ленина настолько изменилась, что ни о какой непредотвратимости войн больше не может быть и речи. Силы сторонников мира на-

столько возросли, что империализм едва ли рискнет теперь на агрессию, зная, что такая агрессия будет означать его конец. В ленинские времена было только одно социалистическое государство — Советский Союз, находившееся во вражеском окружении. Сейчас в мире наличествует гигантский лагерь социализма, поддерживаемый также нейтральными силами, которые вместе с ним борются за мир и против агрессии.

2. Мирное сосуществование. В результате всего вышесказанного, мирное сосуществование между странами с различными политическими и экономическими системами стало не только возможным, но и необходимым. Возможность и необходимость такого мирного сосуществования, конечно, никак не означает прекращения борьбы между капитализмом и социализмом. Речь тут идет только об изменении тактики и тактических приемов.

Классовая борьба объявляется устаревшей. Об этом, правда, не говорится открыто, но это подразумевается, и намек на это слишком прозрачен, чтобы его можно было не заметить. На место классической классовой борьбы, вступает экономическое соревнование между социалистическим и капиталистическим блоком. Социалистическая система в состоянии дать человечеству и каждому человеку в отдельности гораздо больше, чем капиталистическая. Это стало в наше время настолько очевидным, что даже империалисты не могут больше закрывать на это глаза.

Победа коммунизма неизбежна; но она придет не так, как этого ожидал Ленин, то-есть не в результате целой серии кровавых столкновений, а в результате победы социализма на экономическом фронте.

3. Национально-освободительное движение в бывших колониальных странах. Это движение совсем не обязательно должно носить классовый, пролетарский характер. Его прогрессивность заключается уже в его антиимпериалистической направленности. Силы социализма должны искать союза с буржуазными силами этих стран, борющимися за их освобождение и независимость.

В тех случаях, когда эти силы слабы, и там, где есть возможность опереться на местных коммунистов, это должно быть сделано. В других случаях союз между социалистическим лагерем (предающим при этом местную компартию, отдавая ее на съедение буржуазии) не только допустим, но да-

же и обязателен. Классические примеры этой новой политики мы находим в Египте (поддержка «буржуя» Нассера, ликвидирующего при этом компартию своей страны при помощи оружия, полученного из стран коммунистического блока), в Ираке Кассема и, отчасти, в Индии Неру. По тому же пути пытается Хрущев пойти и в Индонезии.

Этот радикальный отход от ленинских и сталинских позиций был вызван, конечно, не только внутренними изменениями в стране, но и действительно полной переменой международной обстановки. Два фактора сыграли при этом особенно важную роль:

а) успехи западного мира в устранении основных зол классического капитализма и

б) появление атомного и водородного оружия.

Устранение основных зол классического капитализма привело к исчезновению пролетариата. Современный западный рабочий скорее буржуа по своим психологическим склонностям. Никакая классовая борьба не интересует его хотя бы уже потому, что успехи предпринимателя являются, как правило, и его успехами.

Профсоюзы следят за тем, чтобы прибыли предпринимателей не переходили известных границ. Коррективом является повышение зарплаты. Чем выше прибыль предприятия, тем крупнее эта зарплата. В результате коммунизм потерял возможность апеллировать к рабочему и вынужден искать союза с капиталистом и с интеллигенцией. И действительно, лозунги, выкидываемые Хрущевым, ничего общего с классическими коммунистическими лозунгами не имеют. Ища смышчки с капиталистами, он обещает им повышение прибыли от торговли с так называемыми странами социалистического лагеря, интеллигенцию призывает включиться в борьбу за мир. Изменяя самым основам марксизма-ленинизма, он блокируется с предпринимателем против рабочего и с интеллектуалами (при том, буржуазного происхождения) против всего остального населения западных стран.

Появление атомного и водородного оружия выбило из рук коммунистов единственный козырь, которым они могли оперировать в своей пропаганде войны между странами с различными социальными, политическими и экономическими системами, а именно — численное превосходство населения

«социалистического лагеря» и наличие там гигантских наземных армий. На войну они не пошли бы, конечно, и при отсутствии атомного и водородного оружия, но тогда не было бы необходимости в пересмотре ленинской догмы о непродотвратимости войн.

При наличии атомного и водородного оружия, войны становятся настолько опасными и убийственными, поражение коммунистического блока в возможной войне настолько очевидным, что сохранение мира стало для коммунистов действительно делом первостепенной важности.

С другой стороны, внешне-политические успехи, достигнутые в результате окончания второй мировой войны — о чем речь была выше — на деле вывели Советский Союз из состояния изоляции и поставили его во главе гигантского резервуара человеческой силы и промышленного потенциала. Что этот потенциал никогда в рамках социалистической системы не будет использован и реализован стопроцентно, вопрос другой. Важно, что тезис о «вражеском окружении» отпал сам по себе, и что «социалистический лагерь» в состоянии импонировать известными «достижениями», особенно людям, не вопрошающим о их цене.

ОБОСНОВАНИЯ ХРУЩЕВСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Сам по себе ревизионизм коммунисты никогда чем-то отрицательным не считали. Вопрос всегда стоял так: кто ревизует и кем он на это уполномочен? Вождь на ревизию право имеет, — не-вождь таким правом не обладает. Ревизия должна быть монолитной, то есть она должна приниматься всем коммунистическим блоком. Опасной она становится только тогда, когда этого не происходит.

Ревизия должна укреплять «силы социализма», а не дробить их. Задача ее, как уже сказано и в начале нашего исследования, заключается в том, чтобы подтянуть догму под действительность, создать серию новых мифов и новых иллюзий, лучше, убедительнее объясняющих расхождение между догмой и реальностью на данном этапе развития марксизма и социалистического общества.

Ленин и Сталин были ревизионистами, но оба они были и бесспорными главами всего коммунистического движения.

Результаты их ревизионизма вписывались в марксистскую библию и становились общеобязательными для всех коммунистов.

Опасность хрущевского ревизионизма — с коммунистической точки зрения, конечно — заключается в том, что он проводит свою ревизию, не заручившись предварительно достаточно убедительным мандатом, не имея на это достаточно авторитетной легитимации, полномочия. Короче говоря, опасность ревизионизма Хрущева заключается в том, что он занялся ревизией, не успев еще стать «вождем всех трудящихся» и «отцом всех народов».

Кто уполномочил Хрущева провозглашать новые догмы? Долгое время советские теоретики пытались притянуть к этому делу Ленина. В споре с китайскими коммунистами, они судорожно искали ленинских цитат, которыми можно было бы подкрепить хрущевский ревизионизм. Такие цитаты нашлись, но убедительностью они не обладали. Ленин не был за мирное сосуществование, и Ленин совершенно ясно и твердо предсказывал неизбежность и непредотвратимость империалистических войн на закате империализма.

В результате от Ленина пришлось отказаться и, вместо этого, опереться на свой, довольно шаткий в международных коммунистических кругах авторитет. Я говорю так, как я говорю, не потому, что я наследник Ленина и его преемник на посту толкователя марксистской догмы. Я говорю так, как я говорю, потому, что я Хрущев и мне удалась победа в борьбе за сталинское наследство.

На бухарестском съезде румынской компартии, выступая в защиту своих тезисов, Хрущев совершил последний акт предательства и, развенчав в свое время Сталина, проделал ту же операцию и над Лениным. Ленинский тезис о непредотвратимости войн устарел. Ленин представлял этот тезис несколько десятилетий назад, когда положение в мире было совершенно иным. С тех пор это положение радикальным образом изменилось, и всякий, держащийся за этот тезис в наше время, является догматиком и теряет всякую связь с реальностью.

Этим заявлением Хрущев попросту вывел себя за рамки марксизма. Повторяем: Ленин ничего не говорил о сроках. Свое пророчество о неизбежности войн он основывал на анализе характера империализма. Империализм или агрессивен

или не агрессивен. Если он агрессивен, то Ленин был прав и войны неизбежны. Если он не агрессивен, то Ленин ошибся и, значит, он мог ошибаться и не только в этом.

Тогда приходится отказаться от ленинской теории вообще и искать легитимации исключительно у Маркса, а тогда опять-таки придется отказаться от очень многого, давно уже вошедшего в лексикон мирового коммунизма. Кроме того, кто может тогда поручиться, что в рассуждения Маркса не вкрались известные ошибки? Ведь авторитет Ленина марксовскому авторитету, — по крайней мере, в Советском Союзе, — никогда не уступал!

Но обратимся теперь к Китаю и к китайской точке зрения на все эти вопросы.

КИТАЙСКИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Мао Цзе-дун и его соратники оперируют, так же как и Хрущев, не в безвоздушном пространстве. Им приходится считаться: 1) с политическим положением внутри Китая, 2) с положением Китая внутри коммунистического блока и 3) с удельным весом Китая и с его положением в мире. Все эти три фактора носят отрицательный характер и вынуждают к радикальным мерам. Попробуем проанализировать коротко каждый из них.

1. **Положение внутри Китая.** Это положение характеризуется: далеко идущим провалом всех планов форсированной индустриализации страны, недовольством почти всех слоев населения, и тем, что Мао Цзе-дун назвал в свое время антагонистическими противоречиями между властью и народом.

Форсированная индустриализация Китая провалилась из-за недостаточной советской помощи. Для ее успешного проведения необходимы были две вещи: специалисты и капитал. Ни тем ни другим Китай не обладал и не обладает, и то и другое должен был доставить Советский Союз, и доставить в таких количествах, что это немедленно отразилось бы на его собственной экономике. Такая жертвенность со стороны Советского Союза, бесспорно, усилила бы Китай и помогла бы Мао Цзе-дуну разрешить при помощи более либеральных методов целый ряд стоящих перед ним проблем, но она одно-

временно катастрофически ослабила бы Советский Союз, и столица мирового коммунистического движения перекочевала бы автоматически в Пекин.

Этого позволить было нельзя, да история и не знает примеров того, чтобы самопожертвенность одного государства в пользу другого шла бы так далеко. Коммунистические страны в этом отношении никакое не исключение.

С другой стороны — и это еще ухудшает положение китайских вождей — гражданская война и революция в Китае еще практически не завершены. Об этом говорил недавно и бывший министр государственной безопасности Ло Жуй-чин, отчитываясь перед Центральным комитетом. Он буквально заявил следующее: «Буржуазия еще обладает в Китае значительным политическим капиталом и большим влиянием на массы. В этом смысле в нашей стране предстоит еще гигантское столкновение между этой буржуазией, обладающей техническими знаниями и потому ценимой массами, и пролетариатом (читай партией, А. К.)».

Китайская компартия, как и всякая компартия мира, обязалась устранить буржуазию, ее ликвидировать — по возможности физически — и не в состоянии это осуществить, не обладая собственными кадрами технической интеллигенции. Истребить буржуазию уже сейчас — значит на долгие годы отложить вообще всякую мечту об индустриализации. Сохранить ее и пытаться с ней работать — значит сохранить в государстве и обществе элемент напряженности, могущий в любой момент привести к взрыву.

Положение Китая как внутри коммунистического блока, так и вообще в мире, тоже не очень завидно. С одной стороны, размеры территории и количество населения должны были завоевать ему одно из ведущих мест в общем концерте как коммунистических, так и всех прочих держав. С другой, одна из самых низких производительностей труда в мире, неудавшийся эксперимент с форсированной индустриализацией и ничем не сдерживаемая агрессивность во внешней политике постоянно приводят к изоляции китайского коммунистического руководства, причем эта изоляция распространилась сейчас и на так называемый «социалистический лагерь».

Несмотря на долголетние усилия, попасть в Организацию Объединенных Наций Пекину не удалось. Пекинское прави-

тельство признано только очень небольшим числом государств свободного мира. Оно имеет дипломатические отношения с Англией, но даже большинство других членов Британского содружества народов отказалось последовать примеру своей метрополии.

Внутри коммунистического блока пекинское руководство оказалось в изоляции в результате идеологического расхождения с Хрущевым, который вполне в состоянии оказать — и оказывает — чисто политическое и экономическое давление на большинство стран Восточной Европы, на азиатские компартии и на многие компартии стран свободного мира.

Все это не могло не повести, как уже и было сказано, к радикализации политических методов и приемов, и это в свою очередь вызвало и радикализацию идеологических истолкований марксизма-ленинизма. Таким образом, весь остальной коммунистический мир ушел куда-то дальше, а Китай остался на ступени сталинизма и борется против хрущевского ревизионизма с самых догматических позиций.

Если оставить без внимания ленинские слова о том, что «марксизм это не догма, а руководство к действию» (а, следовательно, всякая ревизия догмы допустима, если она содействует успеху мировой революции), то не может быть никакого сомнения, что, с точки зрения марксизма, правы в идущем сейчас споре китайские коммунисты, а не Хрущев. Обратимся теперь к их контр-аргументации по перечисленным уже нами пунктам.

1. Предотвратимость и непредотвратимость войн. Это пункт решающий, поскольку именно тут уход Хрущева от Ленина проявляется особенно наглядно. Китайские коммунисты ставят вопрос так: Хрущев сам признает, что мы живем в эру заката империализма. Из этого он должен сделать, однако, и логический вывод, а именно, что опасность империалистических войн в наше время особенно велика. Империализм своего характера не изменил и изменить не мог. Он остался таким же агрессивным, как был и в прошлом, как был и в ленинские времена, а, следовательно, в этом отношении ничего не изменилось, и Хрущев совершенно напрасно говорит о новом положении и о новом соотношении сил в мире.

Но как же тогда обстоит дело с хрущевским доводом об усилении сил мира и вытекающей из этого невозможности для империализма развязать агрессивную войну? Именно в

этом пункте, как считают китайские коммунисты, Хрущев проявляет самое элементарное незнание с марксизмом.

Действительно, силы мира выросли и усилились, и, действительно, положение империализма стало безнадежным. Об этом говорит и выкинутый Мао Цзе-дуном лозунг: «Восточный ветер побеждает западный ветер!» Но знать все это могут только марксисты, владеющие единственной научной идеологией, умеющие при помощи этой идеологии объективно оценивать существующую в мире обстановку и делать из этого практические выводы.

Империалисты всего этого знать никак не могут, так как, обладая ограниченным классовым сознанием, они не в состоянии применить и методы объективного анализа. Или они на это способны? Но тогда это означало бы, что империалисты владеют идеологическим оружием марксизма-ленинизма не хуже, чем им владеют марксисты, и тогда разница между марксистами и империалистами попросту пропадает, и становится совершенно непонятным, о чем собственно идет речь и из-за чего ведется борьба.

Положение империализма действительно безнадежно, но ведь Ленин предусмотрел и это. Он потому-то и предсказывал неизбежность и непредотвратимость войн на закате империализма, что ему удалось из характера империализма вывести заключение о его поведении. Предчувствуя свою близкую кончину, империализм будет пытаться спасти себя при помощи агрессии. Силы его слабы, но он-то их переоценивает и считает большими.

Ленин никогда не предсказывал возможность победы империализма в империалистических войнах. Он знал, что империализм каждую из этих войн проиграет. Так ведь и это вытекает из классовой сущности империализма, из его неумения разобратся в обстановке и правильно оценить собственные силы и возможности. Империалистические войны это — самоубийство империализма.

Не менее убедительны китайские возражения и по вопросу об их собственной агрессивности. Хрущев их упрекал и в этом, но почему? Из-за того, что они поддерживают ленинский тезис о непредотвратимости империалистических войн? Так ведь тезис-то это ленинский, а Ленин за это никогда агрессором не считался и не считается и по сию пору — даже в Советском Союзе Хрущева.

Предсказывая непредотвратимость империалистических войн, Ленин делал это не потому, что был воинственным человеком, и не потому, что такая перспектива ему нравилась, а на основании результатов объективного, научного анализа характера империализма. Дело-то ведь тут вовсе не в том, хотел Ленин таких войн или нет, желал их возникновения или от такой возможности отталкивался. Закон исторической необходимости с желаниями отдельных личностей не считается. Сила марксизма в том и состоит, что он в состоянии определить заранее точное развитие событий в соответствии с требованиями закона исторической необходимости и затем действовать на основании полученных данных.

Все, говорящееся китайскими коммунистами в защиту Ленина и его позиции в этом вопросе, говорится ими и в защиту собственных тезисов и собственной точки зрения. Коммунистический Китай войны не хочет и, тем не менее, он к войне готовится и не готовиться не может. А делает он это на основании правильного анализа характера империализма и твердой убежденности в том, что рано или поздно этот империализм попытается напасть на социалистический лагерь и его уничтожить.

2. Мирное сосуществование. Как уже сказано выше, китайские коммунисты против самого тезиса о мирном сосуществовании никогда не выступали. Напротив, они постоянно подтверждали собственное миролюбие и об этом говорил недавно в данном им интервью и нынешний премьер-министр коммунистического Китая, Чоу Ень-лай. Спор их с Хрущевым по этому вопросу выливается, по существу, в спор об интерпретации.

Мирное сосуществование — вещь хорошая, но что следует под этим понимать? В хрущевском истолковании, мирное сосуществование вырождается в мирное сосуществование между империалистами и пролетариатом, между угнетателями и угнетаемыми, а такого мирного сосуществования марксистская догма, конечно, ни в коем случае допустить не может.

Мирное сосуществование между народами, между представителями сил мира — да, но мирное сосуществование между поджигателями войны и сторонниками мира — это уже слишком. . . Наиболее четкую формулировку этой точки зрения мы находим в речи председателя Совета всекитайской федерации профсоюзов, Лю Нин-и, произнесенной им 7 июня

1960 года на съезде Генерального совета всемирной федерации профсоюзов в Пекине. Лю Нин-и, в частности, заявил:

«Под прикрытием марксизма-ленинизма, современные ревизионисты пытаются подрвать единство рабочего класса и играют ту роль, которую в других условиях призваны были бы играть правые социалисты. Ревизионисты всех мастей — это новое орудие империализма — имеют одну общую черту, а именно — все они стараются протащить идею о том, что между нами и нашими врагами, между пролетариатом и буржуазией, между социализмом и капитализмом, между угнетаемыми и угнетателями нет никакой разницы, они пробуют подрвать революционный дух рабочего класса, притупить его революционную волю и разоружить его морально».

Лю Нин-и говорит, в основном, об югославских ревизионистах, но не может быть никакого сомнения в том, что слова его, в первую очередь, обращены к Хрущеву. Ведь именно Хрущев проповедовал в этот момент мирное сосуществование между «государствами с различными социальными и экономическими системами» и между их правительствами, это именно он стремился добиться определенных соглашений с Эйзенхауэром — этим, по терминологии китайской печати, «вожаком всех западных империалистов».

Несколько раньше официальный орган китайской компартии, газета «Женьминьжибао» (9. 4. 1960), опубликовала большую статью под заголовком «Отрицать гражданскую войну, значит совершать предательство по отношению к социалистической революции». В этой статье газета доказывала — название говорит само за себя, — что мирное сосуществование никак не может означать отказа от развязывания в капиталистических странах гражданской войны и отказа от классовой борьбы между трудящимися и их эксплуататорами. В заключение газета писала:

«Отказываться от гражданской войны или забывать о ней, значит совершать предательство по отношению к социалистической революции. Отказываться от гражданской войны или забывать о ней, значит скатываться в радикальнейший оппортунизм. Гражданская война это тоже одна из форм войны, говорил Ленин. Пятнадцатилетняя послевоенная история полностью доказала правоту этого тезиса. Со времени окончания войны империализм стал во всех отношениях гораздо реакционнее. . . Развязывание революций в капиталистичес-

ких странах диктуется законом исторической необходимости и не зависит от человеческой воли. Но в случае возникновения такой революции не может быть никакой гарантии того, что контрреволюционеры не возьмутся за оружие в попытке подавить революцию. Марксистско-ленинские партии не отказываются от тезиса о возможности мирного развития революции, но они считаются и должны считаться и с возможностью насильственного переворота в гражданской войне.

В этом смысле китайская компартия стоит полностью на позициях московской декларации 1957 года, подписанной также и Хрущевым, в которой признается право коммунистических стран на вмешательство в коммунистическую революцию в любой из так называемых капиталистических стран. Сам Хрущев с этой позиции давно уже сошел, очевидно, считая, что такое вмешательство в наше время может повести к войне и потому слишком опасно.

Совершенно ясно, однако, что и в этом пункте никакого компромисса быть не может: или марксизм, а, следовательно, и представляющие его коммунистические партии, продолжает придерживаться своих классических методов, или он обуржуазился и готов бороться только, если так можно выразиться, за «ползучую мировую революцию», избегая всякого риска.

3. Освободительные движения в бывших колониальных странах. Этот вопрос самым непосредственным образом связан с двумя предыдущими. Отрицая возможность «ползучей революции», китайские коммунисты протестуют и против хрущевского призыва к сотрудничеству с буржуазными силами в бывших колониальных странах. Они совершенно убеждены, что эти буржуазные силы рано или поздно предадут своих радикальных союзников, и это их убеждение тем более сильно, что они имеют в своей истории опыт подобного сотрудничества.

В середине двадцатых годов китайская компартия, под давлением Сталина, вынуждена была заключить союз с «буржуазной партией» Гоминдана. Кончился этот союз избиением коммунистов, учиненным Чан Кай-ши немедленно по приходе к власти в 1927 году. Тогда китайской компартии понадобилось много лет, чтобы восстановить свою организацию и предпринять новый поход против существующего порядка. В результате они убеждены, что и хрущевские попытки до-

биться сотрудничества с Нассером, Кассемом, Неру и другими так называемыми «нейтралистами» ни к чему доброму повести не могут и не поведут.

Спор по этому вопросу усложняется и еще одним привходящим обстоятельством. Пытаясь привлечь на свою сторону нейтралистов Азии и Африки, Хрущев оказывает им — по коммунистическим масштабам — довольно крупную экономическую помощь. Одновременно коммунистический Китай — самый верный союзник СССР — не в состоянии развернуть широкую программу индустриализации из-за недостатка капиталов, машин и специалистов, то есть того самого, что Хрущев посылает в нейтралистские страны. Эта политика советского вождя не может не казаться китайским коммунистам предательством по отношению не только к их собственным интересам, но и к интересам всего коммунистического лагеря, усиливающегося с усилением Китая.

Эта проблема отношения к «национально-освободительным движениям в бывших колониальных странах» стоит — если брать советско-китайский идеологический спор в практическом плане, — пожалуй, даже на первом месте. И тут приходится отметить, что коммунистический блок обладает сейчас не одним, а двумя идеологическими и политическими центрами. Москва постепенно становится Меккой «буржуазных» сил и представителей, в то время как в Пекин едут правоверные коммунисты из тех стран Азии и Африки, правительства которых пользуются поддержкой Хрущева. Так, Хрущев сотрудничает с Нассером, а в Пекине одновременно состоят сирийские и египетские коммунисты, которым дозволяется даже выступать на открытых собраниях и митингах против правительства своей страны. Более парадоксального положения вещей себе представить нельзя.

Одновременно приходится наблюдать сближение между Советским Союзом и некоторыми азиатскими и африканскими странами, враждующими с коммунистическим Китаем. Речь тут идет о таких иосударствах, как Индия и Индонезия. Советская помощь Индии не прекращается, что не мешает китайским коммунистам заниматься агрессией на индийской границе. И еще один парадокс состоит в следующем: индийские пограничные отряды, сопротивляющиеся китайской агрессии, вооружены частично и советским оружием.

Все это показывает, что ни о какой синхронизации совет-

ской и китайской политики не может быть и речи. Идеологические расхождения начинают переходить в политический спор, в расхождения политического порядка. В результате коммунистический блок разлагается изнутри, теряет свою монолитность.

Совсем не каждое действие Хрущева — номинально являющегося главой всего коммунистического блока — встречает поддержку китайской стороны. Многие его действия наталкиваются на китайское противодействие. Так, последний его визит в Индонезию шел явно вразрез с китайскими интересами. Исходя из этого, китайская печать этот его визит практически замолчала. Сообщила она о нем только в канун хрущевского отъезда из Индонезии и всего лишь несколькими строчками. Для среднего китайца Хрущев в Индонезии, если можно так выразиться, «почти не был».

Кому придет в голову отрицать, что все это ослабляет весь коммунистический блок и что последствия такого «расслоения» советско-китайского союза необозримы? Но тут есть и еще несколько моментов, делающих эти разногласия, может быть, даже важнейшим фактором нашего времени, о которых не сказать нельзя.

ДОМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ И АТОМИЗАЦИЯ ДИКТАТУРЫ

Диктатура — особенно идеократическая диктатура — должна быть монолитной, она должна обладать единым центром, решения которого обладают вяжущей силой для всех его частей как на периферии, так и стоящих у самого центра. Сущность демократии состоит в ее множественности, сущность диктатуры — в единстве. Единство — это единственное, что диктатура может поставить себе в заслугу. Там, где демократия распыляет силы, диктатура их концентрирует. Так звучит, по крайней мере, аргументация ее приверженцев.

Но что тогда сказать о диктатуре, которая не в состоянии поддержать фикцию единства, о диктатуре, имеющей два или несколько центров, о диктатуре, расползающейся по всем швам? Для практической реализации фикции единства (а единство внутри человеческого общества только фиктивным быть и может, так как оно противоречит человеческой нату-

ре: не могут все держаться одного мнения) коммунистическая диктатура обладала двумя инструментами:

1) Так называемый демократический централизм, сформулированный Лениным и

2) Насилие.

Принцип демократического централизма требует, чтобы каждое решение высшего партийного или межпартийного органа безоговорочно принималось всеми его членами. Споры и разногласия могут существовать до принятия решения. Как только большинство постановило, меньшинство обязано склониться перед его мнением.

В споре с китайскими коммунистами, Хрущев уже по крайней мере два раза прибегал к помощи этого принципа: в Москве во время октябрьских торжеств 1957 года и в 1960 году в Бухаресте. В обоих случаях китайский «догматизм» был осужден и его идеи признаны неправильными.

Тем не менее, китайские коммунисты этому решению не подчинились. Они и дальше продолжали проповедовать свое «левое сектантство», как определяют их позицию советские идеологи, и даже не помышляют о том, чтобы склониться перед волей большинства компартий, собранных Хрущевым в Москве и в Бухаресте.

Для китайских коммунистов положение ясно. Они связаны принципом демократического централизма только до тех пор, пока решения, принимаемые верховным органом международного коммунизма — в данном случае съездом представителей почти всех компартий мира — не нарушают основной догмы марксизма-ленинизма. Случилось это, значит съезд был еретическим, анти-марксистским и согласиться с его постановлениями, значит, в свою очередь, предать дело Ленина, а именно этого от них и в Москве и в Бухаресте и потребовали.

Отвечая на бухарестскую речь Хрущева, выступавший на III съезде так называемой партии трудящихся Вьетнама (на деле — попросту вьетнамской коммунистической партии), член ЦК компартии Китая и наиболее ярый идеологический противник Хрущева, Ли Фу-чун сказал:

«Современный ревизионизм пытается опорочить чистое учение марксизма-ленинизма: он утверждает, что это учение уже устарело и потеряло свое прежнее значение. Ревизионисты пытаются вынуть из марксизма его революционную душу и

стараятся разбить и уничтожить веру рабочих и всего трудящегося класса в социализм. Нельзя, товарищи, под предлогом борьбы с догматизмом оставлять почву марксизма-ленинизма, нельзя допускать, чтобы марксизм-ленинизм подменялся ревизионизмом. Марксизм-ленинизм ведет нас от победы к победе до полной победы нашего дела. Революционное учение марксизма-ленинизма и его революционный дух своевременными и несвоевременными быть не могут».

В этом, как уже и отмечено, причина китайского отказа подчиниться принципам демократического централизма и признать решения московского и бухарестского совещаний. Но что же тогда делать, как восстановить единство, без которого диктатура не может существовать? Остается насилие, но насилие в данном случае исключено. Ни Хрущев не может вынудить китайцев перейти на его позиции, ни они не в состоянии оказать на него давление и принудить к капитуляции.

Но ведь основной чертой диктатуры является ее сила и ее готовность не останавливаться ни перед каким насилием. Основной чертой коммунистической диктатуры, как объяснял Сталин и как повторяли за ним и все остальные коммунисты, является тот факт, что крепостей, которых не могли бы взять большевики, нет. И вдруг такая крепость нашлась — крепость китайско-советских противоречий. Как их разрешить, к какому сильно-действующему средству прибегнуть? Выкинуть Китай из коммунистического содружества? Это лекарство пытались применить к Югославии и провалились. Тито пошел по собственному пути и здравствует и по сей день, несмотря на все проклятия, посылавшиеся на его голову Коминформом, Сталиным, Хрущевым и Мао Цзе-дунем. К тому же, Китай не Югославия и разрыв советско-китайских отношений может принести такое потрясение, от которого коммунистический блок никогда больше не сможет оправиться. Это ясно и Хрущеву, и Мао Цзе-дуну. Противоречия должны быть ликвидированы, но как?

На бухарестском съезде румынской компартии Хрущев призвал китайских товарищей «сверить часы». Некоторые коммунистические партии мира, объяснил он, живут и по-сейчас по собственному времени. Пришла пора всем партиям «сверить часы» и поставить их на одно время. Китайские товарищи «сверивать часы» отказались. Они убеждены, что

их часы — самые правильные и что не им следует равняться по другим, а, напротив, эти другие — и, в первую очередь, сам Хрущев — должны сверить свое ревизионистское время по их ортодоксально-марксистскому.

Решение вопроса не было найдено и в Бухаресте, несмотря на компромиссную резолюцию, подписанную как Хрущевым, так и представителями коммунистического Китая. Может быть, стоит в этой связи отметить, что и хрущевского призыва «сверить часы» средний китаец не услышал. Хрущевские выступления на бухарестском съезде китайской печатью напечатаны не были и призыв его оказался буквально гласом вопиющего в ревизионистской пустыне.

Основное и, выражаясь коммунистическим языком, историческое значение китайско-советских разногласий мы видим в том, что они проходят по объективным законам и действительно не зависят от человеческой воли. Ни Хрущев ни Мао Цзе-дун ничего в этом, при всей доброй воле, изменить не могут. Они попали на мельницу истории, и эта мельница перемелет их вместе со всем мировым коммунизмом. Тут они действительно имеют дело с законом исторической необходимости, а, вернее, с законом развития человеческого общества, и тут их собственная теория и их собственная идеология отказывается предложить им какое либо радикальное средство.

Чем же все это кончится, чем может все это кончиться и каковыми могут быть непосредственные результаты существующего положения вещей в коммунистическом блоке? Пока что налицо атомизация диктатуры — другого более четкого термина подыскать не удастся. Диктатура расщепляется, расплывается, теряет свою монолитность. Происходит это как в идеологическом плане, так и в плане политическом. Существует уже не один, а, по меньшей мере, два коммунистических плана завоевания мира, не одна, а, по меньшей мере, две коммунистические идеологии, две интерпретации Маркса и Ленина.

«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ» ДИКТАТУРЫ

Не нужно бояться слов: под демократизацией диктатуры мы разумеем не ее добровольный переход на демократические рельсы, а ее неспособность разрешить свои проблемы

при помощи собственных методов. И демократический централизм и насилие отказали, — что делать дальше? Диктатура изменяет самой себе и хватается за методы, чуждые ее духу и ее теории. В борьбе друг с другом, китайские и советские коммунисты пытаются собирать большинство коммунистических голосов на своей стороне. Но собрание большинства есть метод чисто демократический, отрицаемый диктатурой, — более того, считающийся ею за основной признак слабости этой демократии.

В последние месяцы 1960 года мы наблюдали в коммунистическом лагере непрерывное лавирование. Хрущев и Мао Цзе-дун пытались оказать давление на различные компартии мира, пытаясь заручиться их поддержкой в дальнейших боях. На местных съездах различных компартий выступали советские и китайские представители. Каждый из них защищал точку зрения своей партии, каждый нападал на своего идеологического противника, то есть китайские коммунисты на Хрущева, советские — на Мао Цзе-дуна.

Китайская печать замалчивала речи советских делегатов, а порой даже и вообще их присутствие, советская печать делала то же самое по отношению к китайским коммунистам. У каждой из этих сторон, в ведомой ими идеологической борьбе, был, по крайней мере, один козырь, который они и пытались использовать. У Хрущева этим козырем была и остается теория о предотвратимости войн в наше время. Войны не хочет никто, всемирной атомной и водородной катастрофы не желает, по всей вероятности, и Мао Цзе-дун. Уже это одно гарантирует Хрущеву поддержку большинства компартий.

Кроме того, у него есть возможность оказывать на компартии большинства стран, уже захваченных коммунистами, и чисто политическое и экономическое давление. Это неоднократно и было сделано. Так, например, прокитайские тенденции проявлялись в свое время восточногерманской и болгарской компартиями. Обе они были приведены к порядку чисто административными мерами.

Положение в захваченных коммунистами странах Азии несколько иное. Там раздел влияния не был проведен с такой отчетливостью, и потому как северокорейская, так и северовьетнамская партии все еще колеблются между советской и китайской точкой зрения, позволяют себя задабривать

и тем и другим и надеются добиться при помощи этого лавирования довольно значительных экономических выгод.

У китайской компартии есть другой козырь, а именно чистота ее идеологических риз. Китайские идеологи действительно в состоянии доказать, что Хрущев ревизионист, что, проводя такого рода ревизию марксистской догмы, он порой попросту выпадает за рамки ленинизма и скатывается в болото титовского бандитизма. Они указывают на то, что заигрывание Хрущева с Тито весьма симптоматично и показывает, где лежат его настоящие симпатии. Тем не менее, до настоящего времени Мао Дзе-дуну удалось найти поддержку только в албанских коммунистах, а этого, конечно, никак не достаточно.

Впрочем, и вообще все это лавирование особенного смысла не имеет и никаких прибылей ни той ни другой стороне принести не может. Парадокс положения заключается в том, что в этой идеологической борьбе ни китайцы ни Хрущев не могут позволить себе окончательной победы, поскольку такая победа непременно расколола бы коммунистический лагерь пополам. А и те и другие прекрасно знают, что висеть им не избежать; остается только вопрос, будут ли они висеть вместе или по отдельности, причем по отдельности им висеть придется гораздо раньше.

При настоящем положении вещей, еретики и дальше должны оставаться в дружбе с ортодоксами, а последние с еретиками. Несмотря на все расхождения и таящуюся за ними ненависть, и китайские и советские коммунисты должны делать вид, что ничего, в сущности, не произошло и что разговоры о неладах в советско-китайских отношениях являются только провокацией западных империалистов. Китайские коммунисты вынуждены во всех своих высказываниях подчеркивать «ведущую роль Советского Союза в социалистическом лагере», а советские коммунисты хвалить китайские «достижения», даже в тех случаях, когда эти достижения выражаются в ненавистных Хрущеву «народных коммунах».

Идеологический железный занавес возник между Советским Союзом и Китаем тоже не напрасно. Идеологические враги Хрущева в Советском Союзе получили возможность ссылаться на китайских коммунистов и пользоваться их аргументацией. То же самое делает китайская оппозиция против Мао Цзе-дуна. Для последней возможность ссылать-

ся на советский пример особенно важна. Как-никак, а СССР является первой «пролетарской» и «социалистической» страной в мире, «старшим братом», политика и тактические приемы которого ошибочными быть не могут. Наиболее опасная для Мао Цзе-дуна оппозиция гнездится сейчас в Китае в военных кругах. О причинах ее возникновения мы и хотим сказать несколько слов, прежде чем подвести нашу тему к ее заключению.

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ МАО ЦЗЕ-ДУНА И ЕЕ ПРОТИВНИКИ

Совершенно естественно, что нельзя утверждать неизбежность, непредотвратимость войны и не вести подготовку к этой войне. Такая подготовка в Китае ведется и притом самыми ускоренными темпами. Ведется она в соответствии с так называемой военной доктриной Мао Цзе-дуна, имеющей очень много общих черт с давно уже в Советском Союзе дисквалифицированной военной доктриной Сталина. И та и другая утверждает в войне приоритет идеологических и классовых закономерностей перед закономерностями чисто политического порядка. И та и другая предсказывают победу не лучше вооруженной и оснащенной, а более прогрессивной по своему классовому сознанию армии.

В Советском Союзе от сталинского наследства в этом отношении давно уже отказались. Правда, Хрущев повторяет еще время от времени, что, в случае возникновения новой войны, победа будет неизбежно принадлежать «социалистическому лагерю», но он же неоднократно говорил и о том, что в такой войне победить не может никто.

Есть все основания предполагать, что советские военные специалисты, на основании объективного анализа обстановки и закономерностей атомной войны, склоняются к последнему заключению. Так, в октябрьском номере «Международная жизнь» была напечатана статья генерал-майора Таленского, выдвигающего в ней следующие тезисы:

а) Против ракетного атомного нападения нет и не может быть никакой защиты.

б) Атомная и водородная война потребуют гигантских человеческих жертв. В одной только Европе и Северной Америке погибнет не меньше 500-600 миллионов человек.

в) Внезапный удар не гарантирует победы в такой войне. Противник будет в состоянии нанести контрудар, который может оказаться для нападающего смертельным.

г) Локальные, местные войны в наше время исключаются, так как такие войны имеют тенденцию переходить в мировую войну.

д) В результате принцип Клаузевица, гласящий, что «война есть продолжение политики при помощи иных средств» устарел. Войны в наше время могут быть только средством самоубийства.

Одновременно в Пекине вышел из печати и был преподнесен читателям с гигантской помпой четвертый том полного собрания сочинений Мао Цзе-дуна. В этот том входят сочинения китайского вождя, написанные им в период между 1945-49 гг., то есть в конце войны против Японии и во время заключительного этапа гражданской войны в Китае. Естественно образом, разбирает там Мао в первую очередь тактические и стратегические проблемы, стоящие перед китайской компартией.

Выпуская на сей раз четвертый том полного собрания сочинений Мао, китайская печать снабдила его бесконечным количеством комментариев, один из которых принадлежит нынешнему министру обороны Лин Пяо. В своей статье, посвященной этому тому, Лин Пяо пишет:

«Материальной атомной бомбе империализма мы противопоставим атомную бомбу духа — классовой сознательности, нашей приверженности к марксизму-ленинизму».

И действительно, если, как утверждает китайская коммунистическая печать, теории, выработанные и разработанные Мао в период между 1945-49 гг., будут применяться китайскими коммунистами в будущей войне, то это значит, что ничего, кроме «атомной бомбы духа» они противопоставить «империалистам» не в состоянии, а на этом в наше время далеко не уедешь.

Военная концепция Мао Цзе-дуна, о которой говорится, что она сегодня так же действенна и актуальна, как и в годы, когда была выработана, заключается в грубых чертах в следующем. В случае возникновения новой мировой войны, «империалисты» ввяжутся в техническое соревнование с Советским Союзом, то есть в атомную и водородную войну против этого союзника Китая, и в тяжелую, изнурительную, но

конвенциональную войну на китайской территории. Западный капитализм все еще не примирился с потерей китайского рынка, который он, после начала военных действий, попытается захватить в таком виде, чтобы его сразу можно было подвергнуть эксплуатации.

На «империалистическую оккупацию» китайский народ, руководимый коммунистической партией, ответит партизанской войной, которая будет продолжаться до тех пор, пока противник не выдохнется на фронте войны с Советским Союзом и пока весь социалистический лагерь не сможет перейти в наступление. А главными козырями Китая в такой войне Мао считает:

- а) время,
- б) географическое пространство.

Время — потому, что будущая война будет затяжной и сможет продолжаться двадцать-тридцать, а то и все пятьдесят лет. Географическое пространство позволит китайскому коммунизму применить тактику отступления и изматывания врага, которому к тому же придется растянуть свои силы на несколько фронтов.

Для нас в этом контексте важно одно, — а именно то, что Мао основную тяжесть войны возлагает на плечи Советского Союза и, таким образом, на плечи нашего народа. Это он, наш народ должен будет принять на себя серию атомных и водородных ударов, связать силы «империализма», подорвать его военный потенциал и, таким образом, дать Китаю возможность вымотать ту незначительную часть сил свободного мира, которая будет выделена для борьбы на этом фронте.

Мао совершенно убежден, что на Китай атомные и водородные бомбы сброшены не будут, во-первых, по уже указанной выше причине, а, во-вторых, еще и потому, что Китай не имеет крупных промышленных центров и что, следовательно, массированная, атомная бомбардировка его территории никакой пользы Западу принести не может.

Но даже если бы до этого дело все же дошло, у нас имеется его заявление о том, что в случае если в атомной войне погибнет триста миллионов китайцев, еще триста останется в живых, и эти оставшиеся будут в состоянии нанести «империализму» последний и сокрушительный удар.

ВЫВОДЫ

Из всего сказанного выше можно сделать несколько практических выводов, касающихся каждого из живущих на этой земле в наше время и, в первую очередь, каждого российского человека. Это мы и попытаемся теперь сделать.

1. Китайско-советские идеологические разногласия ведут — не могут не вести — к атомизации, к распылению, к расшатыванию диктатуры. Эта атомизация будет происходить тем быстрее, чем большее количество людей как у нас на родине, так и в Китае, так и во всем коммунистическом лагере, будет о них знать. Идеологический железный занавес, выдвинутый между СССР и коммунистическим Китаем, должен быть прорван.

2. Китайско-советские идеологические разногласия свидетельствуют о возрастающей слабости диктатуры, о ее неспособности справиться с поставленными перед ней проблемами ее собственными методами и способами. Диктатура вынуждена признать превосходство демократических методов над своими собственными. Долает это диктатура, конечно, не добровольно, а в порыве отчаяния, сознавая собственное бессилие и пытаясь его замаскировать. Эту внутреннюю слабость коммунистической диктатуры нашего времени нужно разоблачать всеми средствами и способами. Как поработенные народы, так и народы свободного мира должны полностью осознать, что диктатура — и коммунистическая диктатура в особенности — никакого единства дать не может, в лучшем случае она может предложить иллюзию единства, распадающуюся при первом же напоре обстоятельств. Демократия же, в свою очередь, дает полное единство, потому что ее единство основано не на принуждении, а на добровольном согласии. Демократическое единство всегда является компромиссом, заключенным между свободными людьми или свободными группами людей. Поэтому демократия не боится множественности и не боится потрясений, из этой множественности вытекающих.

3. Три года назад Хрущев в одной из своих речей заявил: «Ревизионизм похоронит нас или мы похороним ревизионизм, третьего пути нет и быть не может». С тех пор он превратился в самого ярого ревизиониста наших дней. Сделал он это тоже не потому, что ему так хотелось, а потому, что у

него не было иного выхода. Диктатуру надо было спасать, а спасать ее можно было только методами подлательства. И, тем не менее, пророчество Хрущева остается действенным и сейчас: «Или мы похороним ревизионизм или ревизионизм похоронит нас». Похоже на то, что, судя объективно, ревизионизм действительно коммунизм похоронит и что коммунизму придется погибнуть по велению того самого закона исторической необходимости, о котором он так любит говорить.

Помимо этого, есть два вывода, касающихся в основном нашего народа. Эти выводы напрашиваются сами по себе и вытекают непосредственно из сделанного нами выше анализа.

1. Потеря единства коммунистического блока имеет не только плюсы, но и минусы. Среди минусов на первом месте стоит вновь обретенная независимость китайской компартии, получающей возможность вести свою собственную политику, противоречащую порой политике Хрущева или какого-либо другого советского вождя. Из этого естественное следствие:

2. Хрущев давно уже потерял всякое влияние над «братской» китайской компартией и над ее вождем. С другой стороны, он вынужден поддерживать китайских коммунистов во всех их авантюрах. Так, ему пришлось летом 1958 года выступить с заявлением о том, что Советский Союз готов поддержать ракетным и атомным оружием претензии китайских коммунистов на Тайвань. Если китайские коммунисты спровоцируют войну, Советскому Союзу остаться в стороне не удастся. В результате судьбы нашего народа решаются сейчас не только вождями в Кремле, но и вождями китайской компартии. Вполне может получиться так, что ему придется сражаться и погибать даже не за интересы собственного коммунизма, а за уж совершенно чуждые ему интересы коммунизма китайского. Вполне возможно, что ему придется принять участие в войне, которая вспыхнет только оттого, что китайские коммунисты окажутся не в состоянии управиться с положением в собственной стране и выберут путь внешне-политической авантюры.

И, наконец, последнее. В 1957 году Мао Цзе-дун разработал совершенно новую для коммунизма теорию об «антагонистических противоречиях». В соответствии с этой теорией, есть противоречия не антагонистические. Эти противоречия могут быть разрешены мирным путем, при помощи критики

и компромисса. Но есть противоречия «антагонистические», и такие противоречия мирным путем разрешены быть не могут. Они неизбежно рано или поздно приводят к взрыву и к радикальной перемене общественной, государственной и политической системы.

Советские и китайские идеологи уже неоднократно пытались разрешить советско-китайские идеологические разногласия (противоречия) при помощи критики и компромисса. Из этого ничего положительного не вышло. Очевидно, противоречия эти носят антагонистический характер, но тогда они, по собственной теории Мао, не могут привести ни к чему, кроме взрыва.

Взрыва чего? Китайско-советской дружбы? Едва ли. Иллюзия этой дружбы будет сохраняться до тех пор, пока Китай и наша родина находятся в руках коммунистов. Значит — и, очевидно, — кончиться это может только взрывом внутри всего коммунистического блока. Так говорит Мао, самый видный марксистский теоретик современности, а ему в таких вопросах и карты в руки!

Когда предыдущая часть настоящей брошюры была уже написана, появилось, наконец, так называемое «Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий». Больше трех недель понадобилось представителям 81-ой компартии мира, чтобы выработать текст этого «Заявления». Тем временем произошла целая серия событий, показывающая, что и это «Заявление» никаких решительно перемен в отношениях между КПСС и коммунистической партией Китая не принесло.

Так, 21-го ноября московское радио включило в свою программу беседу о «Единстве социалистического лагеря». Когда подошел момент эту беседу передать, она была, однако, заменена вальсом Шопена. Надо полагать, что руководители радио получили на это соответствующие указания и что где-то на верхах было принято решение не трогать этой болезненной темы, пока в вопросе о «единстве» не появится большей ясности.

23 августа «Правда» поместила большую статью, посвященную памяти Энгельса, в которой опять содержались острые нападки на догматиков и сектантов. В частности, в этой статье можно найти следующее рассуждение:

«Московская декларация (1957 года, А. К.) идейно вооружила коммунистов в их борьбе против ревизионизма, догматизма, сектанства. Она подчеркнула необходимость усиления борьбы против оппортунистических течений в международном коммунистическом движении, против ревизионизма, который является в современных условиях главной опасностью, и догматизма, сектанства, которые могут представлять также основную опасность на отдельных этапах развития той или иной партии. Интересы коммунизма требуют от коммунистических партий, от всех коммунистов и впредь продолжать решительную борьбу как против ревизионизма, так и против догматизма и сектанства, за чистоту принципов марксистско-ленинского учения, за единство и сплоченность международного коммунистического движения».

Оставляя в стороне полную безграмотность некоторых формулировок («догматизма, сектанства, которые могут представлять **также основную опасность**»), нельзя не констатировать, что эта цитата ни о каком единстве в коммунистических рядах не свидетельствует. В дальнейшем статья говорила об этом «единстве» не как о чем-то существующем, а скорее как о заданном:

«Коммунистическая партия Советского Союза, исходя из интересов рабочего класса, великого дела коммунизма, вместе со всеми марксистско-ленинскими партиями вела и будет вести неустанную работу по дальнейшему сплочению и укреплению единства социалистического лагеря и всего международного коммунистического движения на принципиальной основе марксизма-ленинизма, верности делу рабочего класса. Она видит в этом свой интернациональный долг, свою прямую задачу и обязанность».

В этот же день «Женьминьжибао» обрушилась на ревизионистов, предающих дело Ленина, пытающихся свернуть на соглашательские позиции и заигрывающих с западными империалистами. Если ко всему этому добавить сведения, просочившиеся из кругов малых коммунистических партий мира, принимавших участие в московском совещании, то кар-

тина получается полная. Согласно этим сведениям, президент так называемой Китайской народной республики, Лю Шао-чи, резко напал в четырехчасовой речи на политику Хрущева и намекнул на то, что Китай вскоре будет обладать собственной атомной бомбой и тогда получит возможность вырабатывать и свою собственную линию международной политики.

Продолжительность совещания становится, таким образом, полностью понятной. Понятной становится и туманность некоторых формулировок, содержащихся в «Заявлении». Впрочем, не приходится сомневаться в том, что по основным пунктам своей политики Хрущеву удалось одержать победу. «Заявление» подчеркивает «экономическое соревнование» как основную форму классовой борьбы в наше время и приписывает формулировку этой идеи Ленину:

«Ход общественного развития подтверждает ленинское предвидение о том, что главное свое воздействие на развитие мировой революции страны победившего социализма оказывают хозяйственным строительством».

С другой стороны, Хрущеву пришлось пойти на некоторые уступки в вопросе о предотвратимости или предотвратимости «империалистических» войн в наше время. «Заявление» признает, что «фатальной предотвратимости» таких войн больше не существует, но что почва для их возникновения остается и дальше, и будет оставаться до тех пор, пока существует капитализм. Об этом в «Заявлении» говорится теми же словами, которые до сих пор неизменно употребляла печать коммунистического Китая: «Пока сохраняется империализм, будет оставаться и почва для агрессивных войн». Но... и тут «Заявление» опять-таки прибегает к китайской формулировке: «Если же империалистические безумцы развяжут войну, народы сметут и похоронят империализм».

Самую крупную уступку Хрущеву пришлось, однако, сделать по вопросу о сотрудничестве с «буржуазными кругами бывших колониальных стран». Тут опять «Заявление» начинает за здравие, а кончает за упокой. Сначала говорится о том, что эти круги в настоящих условиях бесспорно играют прогрессивную роль и что, таким образом, блокирование с ними должно считаться вполне оправданным. Но... и это «но» весит гораздо больше, чем все предыдущие размышле-

ния... «она (то есть национальная буржуазия бывших колониальных стран, А. К.) неустойчива, наряду с прогрессивностью она склонна к соглашательству с империализмом и феодализмом». И дальше: «По мере обострения социальных противоречий национальная буржуазия все больше проявляет склонность к соглашательству с внутренней реакцией и империализмом».

Дальнейший текст делает совершенно ясным и о ком именно идет тут речь. В том месте, где Совещание выражает «чувство пролетарской солидарности томящимся в тюремных стенах славным сынам и дочерям рабочего класса и демократам», находим также упоминание и «демократов» Ирака и Объединенной арабской республики, то есть тех стран, которые в последние годы пользовались особенным благоволением Хрущева. Какие будут сделаны из этого практические выводы и будут ли они сделаны вообще, об этом говорить пока еще рано, но едва ли может быть сомнение в том, что «демократы» Ирака и Объединенной арабской республики были в «Заявление» включены по требованию китайских представителей.

Вся заключительная часть «Заявления» посвящена затем проблеме единства и тут опять начинают мелькать не совсем понятные туманности. Сначала об этом единстве говорится как о чем-то само собой разумеющемся и, конечно, давно уже существующем, затем «Заявление» переходит, однако, к своего рода заклинаниям:

«Забота о постоянном укреплении единства международно-коммунистического движения — высший интернациональный долг каждой марксистско-ленинской партии».

И еще: «Решительная защита единства международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, недопущения каких-либо действий, могущих подорвать это единство, представляют собой обязательное условие победы в борьбе за национальную независимость, демократию и мир, за успешное решение задач социалистической революции, строительство социализма и коммунизма. Нарушение этих принципов привело бы к ослаблению сил коммунизма».

Можно подумать, что коммунисты всех стран никогда об этом не знали и что «Заявление» впервые пытается довести

это до их сведения. На самом деле принцип «единства» всегда был основным принципом всякой диктатуры — коммунистической же диктатуры в особенности. Зачем же участникам Совещания понадобилось вдруг повторять азы марксистской идеологии? Не потому ли, что с «единством» дело обстоит весьма слабо и что существует острая необходимость не только его, это единство, утверждать, но и изыскивать конкретные пути его реализации? «Заявление» говорит и об этом, то есть о поисках конкретных путей:

«Коммунистические и рабочие партии по мере необходимости проводят совещания для обсуждения актуальных проблем, для обмена опытом, ознакомления со взглядами и позициями друг друга, для выработки единых взглядов путем консультаций и согласования совместных действий в борьбе за общие цели».

«Когда у той или иной партии возникают вопросы, относящиеся к деятельности другой братской партии, то ее руководство обращается к руководству соответствующей партии: в случае необходимости проводятся встречи и консультации».

Насколько действенным окажется этот метод на практике, судить еще слишком рано, хотя, впрочем, опыт московского совещания 1957 года и бухарестского совещания, прошедшего в 1960 году, показывают, что на таких «консультациях» коммунистам удастся добиться максимум чисто формального единства. Но даже не это представляется нам наиболее важным в этой связи.

Наиболее важным представляется нам тот факт, что коммунистический лагерь теряет свою монолитность и превращается в своеобразную коалицию. Независимая позиция китайских коммунистов соблазняет представителей и других компартий, а, главное, предоставляет им возможность выбора — с кем идти, с Советским Союзом или с коммунистическим Китаем. Но коалицией можно управлять только при помощи демократических методов убеждения, а не тоталитарных методов принуждения. И тут опять приходится констатировать факт отступления тоталитарной системы от проповедуемых ею принципов.

«Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий» — бесспорно, только список компромиссов, которых удалось добиться за три недели ожесточенных

идеологических боев. Притом, следует полагать, что эти компромиссы долго не продержатся, тем более, когда речь снова пойдет о вопросах практической политики. Едва ли Хрущев порвет свои связи с Нассером и Кассемом, и едва ли китайские коммунисты перестанут говорить о «фатальной непредотвратимости войн». Следовательно, станет необходимым еще одно совещание, и еще одно, и так до бесконечности.

Теперь остается только затронуть еще один чисто практический вопрос. По сведениям, просочившимся из уже упомянутых выше кругов, китайская точка зрения была поддержана на совещании представителями коммунистических партий Азии и Южной Америки, а также представителями некоторых европейских компартий, еще не пришедших к власти в своей стране. Это значит, что пекинским идеологам все-таки удалось сколотить кой-какой антихрущевский блок. В дальнейшем этот блок может усилиться настолько, что перешибит Хрущева с его мирным сосуществованием и предотвратимостью войн. Произойдет это в том случае, если Хрущеву в ближайшие месяцы или годы не удастся добиться ни одного внешнеполитического успеха.

У китайских коммунистов имеется уже и сейчас довольно убедительный козырь. В споре с Хрущевым они могут оперировать тем, что их радикальные методы приносили до сих пор весьма положительные результаты. Так, им удалось свергнуть правительство Киши в Японии, усложнить задачи, стоящие перед де Голлем при помощи поддержки алжирских повстанцев, путем нажима на Лаос добиться того, что правительство этой страны согласилось установить дипломатические и торговые связи с Пекином и т. д.

Хрущев за все это время концентрировал свое внимание на Берлине, который он пытался взять в тиски при помощи методов «мирного сосуществования» и экономического нажима. Но Западный Берлин сохраняет свой статус по сегодняшний день, и западные державы неоднократно давали понять, что нападение на Берлин будет означать начало мировой войны.

Если Хрущеву и в дальнейшем не удастся доказать действенность своих методов, радикальное крыло в мировом коммунизме усилится, и тогда опасность военной авантюры со стороны коммунистического лагеря станет снова актуальной.

В таком случае руководство непременно перейдет в руки Пекина и произойдет то, о чем мы уже писали в первой части нашей брошюры, а именно — нашему народу придется проливать кровь за чужие интересы.

С которой стороны ни взялись бы мы разбирать этот вопрос, нам неизбежно придется прийти к выводу, что так называемая «китайско-советская дружба», по существу дела являющаяся только дружбой двух компартий, грозит человечеству неизмеримыми бедами.

Декабрь 1960 г.